

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(3)

doi 10.17072/2219-3111-2022-4-5-10

Ссылка для цитирования: *Казаров С. С.* Война с Пирром в контексте развития Рима III века до нашей эры // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 4(59). С. 5–10.

ВОЙНА С ПИРРОМ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РИМА III ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ

С. С. Казаров

Южный федеральный университет, 344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

ser-kazarov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2292-4787

Scopus Author ID: 57202787688

Война римлян с эфирским царем Пирром явилась событием, которое стало причиной многочисленных перемен, произошедших в римском обществе в середине III в. до н.э. Многие современные исследователи с полным основанием следуют концепции греческого историка Полибия, который вел отсчет постепенного установления римской гегемонии в Средиземноморье именно после изгнания из Италии эфирского царя. Дальнейшая экспансия Рима сначала на юг Италии, а затем и за пределы – на Сицилию, сопровождалась внутривосточной борьбой между двумя группировками в римском обществе, одна из которых отстаивала аграрное развитие Рима и поэтому не была заинтересована в экспансии на юг, а вторая, представленная торгово-ремесленными кругами, стремилась к новым захватам и приобретению новых рынков. Важнейшими последствиями Пирровой войны можно назвать начало чеканки в Риме серебряных монет, осознание римлянами своей уязвимости из-за отсутствия собственного военного флота, строительство которого началось через двадцать лет после упомянутых событий. Менталитет римлян изменился: с одной стороны, они начали осознавать себя хозяевами Италии, с другой стороны, суровые нравы предков начали уходить в историю и сменяться стремлением к обогащению, подрывая моральные устои Римской республики. Римляне, отвергавшие ранее дары эфирского царя, через несколько десятков лет стали прибегать к предметам роскоши, которые стали обязательными предметами их повседневного быта. По сути, победа римлян над Пирром была предвестником Пунических войн и в конечном итоге способствовала установлению гегемонии Рима в Средиземноморье.

Ключевые слова: Апеннинский полуостров, Римская республика, Пиррова война, гегемония, экспансия.

В западной историографии историю Рима республиканской эпохи принято делить на два этапа: 1) завоевание римлянами Апеннинского полуострова; 2) период Средиземноморской экспансии [Mitchell, 1985, p. 303]. Связующим звеном между этими двумя этапами явилась Пиррова война. Этим термином в западной историографии обычно именуется исключительно война Пирра с римлянами [Kent, 2020, p. 2], и, хотя он представляется нам неточным, применим его к использованию.

Какое место занимает война римлян с Пирром в античной истории? как она повлияла на дальнейшее развитие Рима? как, наконец, это событие отразилось в массовом сознании римлян? – вот те вопросы, которые нам предстоит осветить.

По сообщению Плутарха, царь Пирр, стоя на корме корабля и вглядываясь в исчезающие очертания Сицилии, глубокомысленно заметил: «Какое поле битвы мы оставляем для римлян и карфагенян» (Plut. Pyrrh. XXIII). Если это только не позднейшая выдумка историков, то эфирский царь обладал не только даром предвидения, но и глубоким знанием современной ему политической ситуации. По сути, это было предсказание тех грандиозных событий античного мира, которые мы называем Пуническими войнами.

Прежде всего необходимо отметить, что в основе всех построений, как античных, так и современных авторов, лежит концепция Полибия с его склонностью к строгой последователь-

ности событий и выделению причинно-следственных связей. Если сама война с Пирром находилась за пределами его научного интереса, то как раз последующий за ней период стал предметом рассмотрения. В упрощенном виде его схема такова: успешные войны римлян с соседними племенами (сабинянами, латинами, этрусками) вызвали их экспансию на юг, которая привела к столкновениям с самнитами, а затем и с полисами Великой Греции, которые призвали на помощь эпирского царя Пирра. Победа над ними позволила римлянам не только осознать себя хозяевами всей Италии, но и более пристально взглянуть на противоположный берег Мессенского пролива, результатом чего стала борьба с Карфагеном, окончившаяся установлением римского господства в Средиземноморье (*Polyb.* I. 3. 2–6).

Все последовательно и логично. Как справедливо отметил английский ученый Митчелл, многие события периода Пирровой войны для римлян с точки зрения Полибия можно характеризовать наречием «впервые», и список этих «впервые» поистине безграничен: впервые римляне увидели в Италии свою вотчину, впервые римляне обратили внимание на Сицилию, впервые стали использоваться серебряные монеты, впервые в Риме был устроен столь пышный триумф, впервые вскоре после войны были устроены гладиаторские сражения, ставшие затем неотъемлемой частью римской повседневности [*Mitchell*, 1985, p. 307].

Как отмечают некоторые исследователи, до войны с Пирром Рим представлял из себя консервативное и относительно отсталое государство, за исключением разве что его относительно активной внешней политики [*Mattingly*, 1947, p. 28]. Но при этом опять же все их войны с соседними племенами носили местный локальный характер. С другой стороны, «консерватизм» и «отсталость» раннеримской республики дополнялись честностью, чистотой и суровостью нравов римлян. Хрестоматийный пример тому – солидарный отказ знатных римлян от подарков, которые им пытался преподнести во время своего визита в Рим посланец Пирра Киней (*Plut. Pyrrh.* XVIII).

Другими словами, прямым последствием конфликта с Пирром было римское доминирование на полуострове – логическое и неизбежное следствие событий, в результате которых Рим обосновался на берегу Мессенского пролива (*Flor.* I. 18.2). Рим добивался полного доминирования на полуострове, потому что, выражаясь словами Т. Франка, Пиррова война преподнесла Риму хороший урок: полное подчинение самнитов и луканов было возможно только при условии решения проблемы греческих городов, которые невозможно было контролировать до тех пор, пока их гавани были открыты для доступа наемников из Греции [*Frank*, 1914, p. 64]. По словам Г. Скалларда, как только Пирр покинул Италию, Рим начал умиротворение всего полуострова, в том числе и итальянских греков, хотя и до этого Пиррова война продемонстрировала прочность римской конфедерации [*Scullard*, 1980, p. 144].

Нельзя также обойти вниманием вопрос о том, как война с Пирром отразилась в массовом сознании римлян. В то время как сицилийский историк Тимей из Тавромения обращал внимание на западную кампанию Пирра, вероятно, Квинт Энний приукрашивал пребывание Пирра на Западе различными романтическими историями, и оба автора вносят существенный вклад в создание образа Пирра как личности, объективно поспособствовавшей становлению гегемонии Рима в Италии и как своего рода связующего звена в средиземноморской истории [*Frank*, 1926, p. 314]. Римское простодушие, консерватизм и недостаток предприимчивости были широко распространены в римской исторической традиции в качестве нравственных ориентиров как для современников, так и для будущих поколений. Как справедливо писал В. Е. Хейтланд, «ни один период истории Рима не был настолько преднамеренно превращен в нравственный урок для читателей, чем период войны Пирра» [*Heitland*, 1926, p. 154]. Ему вторит Т. Франк, который признает, что «нет эпизода в истории Рима (если опустить легендарный период), который был бы настолько полон анекдотов и драматических подробностей, как история войны Пирра» [*Frank*, 1926, p. 314]. Пирр был прототипом полководца из знати, сражающегося с такой же знатью. Сложно утверждать наверняка, кто относился к нему с большей симпатией – латинские или греческие авторы, но сообщалось, что благородные и неиспорченные римляне продолжали восхищаться и поражаться ему, а вся война впоследствии виделась как период, в котором римские граждане и сенаторы, пока еще незнакомые с греческими хитростями и пуническим коварством, вели себя как нация царей, а сам Пирр, ознакомившись с менталитетом римлян, начал не только ими восхищаться, но и стремиться к союзу с ними (*Plut. Pyrrh.* XX).

К концу II в. до н.э. отношение к Пирру со стороны римлян резко изменилось. Римская элита не любила вспоминать войну с Пирром, ибо она отныне противоречила «новому мышлению» (*nova sapientia*): если ранее благородные римляне предупреждали Пирра о том, что его собственный доктор хотел его отравить, то позднее Сенат, по сути, советовал вифинскому царю Прусию убить своего противника Ганнибала. Множились и анекдоты, в которых отныне Пирр изображался в самом неприглядном свете. Так, Авсоний выставляет Пирра простачком, который был обманут Дельфийским оракулом (*Auson. X.5*). В том же ряду стоит сообщение Плиния со ссылкой на историка Филиста, что у тирана Гелона была собака по имени Пирр (*...memorat et Pyrrhi Gelonis tyranni canem Philistus – Plin. N. H. VIII, 144*). Благородный герой, по своей доблести некогда чуть ли не равный римлянам, превратился в презираемого противника, подобно-го Ганнибалу или Филиппу V.

Парадокс заключался в том, что, хотя Пиррова война и являлась одним из самых славных эпизодов истории Рима, она, принеся Риму невиданные ранее богатства, одновременно способствовала разложению моральных устоев и суровых нравов их предков. Флор, несмотря на его апологетическую риторику, в своем пассаже вполне адекватно отразил суть ситуации: «Не было в Риме триумфа более прекрасного и великолепного. До сего времени не видели ничего, кроме овец вольсков, коров сабинян, повозок галлов, сломанного оружия самнитов. А теперь, если взглянуть на пленных – молосс и фессалиец, македонян и брутиец, апулеец и лукан, а если окинуть взором триумфальную процессию, – золото, пурпур, знамена, картины, – всю роскошь Тарента. Но ни на что римляне не смотрели с большим удовольствием, чем на огромных животных с башнями на их спинах, которых они ранее так страшились; чувствуя себя пленниками, слоны, опустив головы, следовали за покорившими их лошадьми» (*Flor. I. 13.28*).

Некоторые западные исследователи справедливо указывают на экономические факторы, которые оказывали влияние на общую направленность внешней политики Рима. Так, Ф. Кассола попытался выделить две политически значимые группы в римском обществе, одна из которых была представлена крупными и средними аграриями; вторая – коммерсантами, ориентированными на широкое развитие торговли. И те, и другие мечтали о расширении государства, но если первая группировка ратовала за северное направление, то вторая была заинтересована в коммерчески богатых общинах Великой Греции. Торговая группировка, опираясь на местную аристократию, стремилась не сколько к территориальным захватам, сколько к расширению торговых связей как в Южной Италии, так и за ее пределами [*Cassola, 1962, p. 89, 146*].

Размышляя над тем же вопросом, Э. Стюарт Стейвели утверждает, что ключевым вопросом развития республики было «...либо сохранение любой ценой сугубо аграрного характера экономики, либо внесение изменений в социальную структуру, экономику и конституцию, что позволило бы занять значимое место в мире италийской торговли» [*Staveley, 1959, p. 433*]. По его мнению, интересы римской морской торговли были утеряны ради аграрных интересов на суше, а воззвание Аппия Клавдия Цека против заключения мира с Пирром он рассматривает как попытку защитить римские торговые интересы на юге, в то время как противоположная сторона «очевидно, была готова покинуть юг ради территориального расширения на севере» [*Ibid., p. 431*]. Однако римское завоевание Италии имело и другую сторону: для римских граждан появилась возможность для миграций и создания новых поселений внутри самой Италии [*Forsythe, 2005, p. 362*].

Относительно дискуссионным среди западных исследователей является вопрос о влиянии Пирровой войны на начало чеканки римской серебряной монеты. Хотя монеты сами по себе являются частью проблемы, они же часто и используются учеными для ее решения. Целая группа историков и нумизматов полагает, что начало чеканки Римом серебряных монет явилось результатом войны с Пирром. Подобные взгляды отчасти базируются на истории о том, что по совету богов римлянам чеканка была переведена во время войны с Пирром в храм Юноны. Плиний особо подчеркнул, что римляне начали использовать серебряные монеты в 269 г. до н.э. во времена консульства К. Огульния и С. Фабия (*Plin. Nat. XXIII, 44*). К сожалению, Плиний также сообщает, что выпущенная монета была денарием, а окончание его «нумизматического» пассажа весьма сложно для интерпретации. Когда денарий был датирован 269 г. до н.э., его значимость как римской монеты для всей Италии была показателем того, что Рим установил административный контроль над своей италийской конфедерацией. Местные чекан-

ки были заменены денарием. Данные нумизматики, таким образом, служат подтверждением тезиса о возросшем римском контроле над всем полуостровом после 269 г. до н.э. Серьезные исследования, особенно труд Р. Томсена, нацело отвергают версии о том, что начало выпуска римских серебряных дидрахм относится к периоду ранее 280 г. до н.э. [Tomsen, 1957]. В недавнее время, зачастую без рассмотрения работ по данной тематике, некоторые нумизматы начали сдвигать даты чеканки ранних римских серебряных монет к периоду, предшествовавшему 300 г. до н.э. [Barnett, 1977, p. 92]. Первые монеты, очевидно, были отчеканены ранее Пирровой войны и поэтому утрачивают свою доказательность для тех, кто видит их последствиями этой войны. Датировка первых римских серебряных монет либо IV в. до н.э., либо периодом непосредственно Пирровой войны является результатом различных взглядов на развития Римской республики. Таким образом, общая интерпретация истории Рима, предложенная нашими источниками, подтверждает значимость периода Пирровой войны. Римская колонизация, дорожное строительство и вовлечение римлян в местные дела также стали последствием перемен, произошедших после 269 г. до н.э.

Немецкий ученый Ф. Мюнцер связывал рост Рима с влиянием аристократов, чьи корни происходили из Кампании, а успехи римской стратегии конца IV – начала III вв. до н.э. явились прямым результатом успеха группировки, возглавляемой Квинтом Публилием Филоном и Аппием Клавдием Цеком [Münzer, 1920].

В заключение необходимо указать еще на одно последствие войны с Пирром, которое считаем немаловажным и на которое мы уже неоднократно указывали: она послужила поворотным пунктом, приведшим Рим к тесным и продолжительным контактам с Грецией, и только тогда Рим начал приобщаться к достижениям греческой культуры [Forsythe, 2005, p. 361]. Тогда же и греки начали замечать Рим. В представлении М. Кроуфорда Пирр явился первым римским протагонистом из «цивилизованной» области Средиземноморья, чье поражение заставило «цивилизованный» мир обратить внимание на Рим, хотя сам Рим оставался в неведении о значимости своих собственных достижений» [Crawford, 1978, p. 15].

И еще на одно важное обстоятельство хотелось бы указать. Во время войны с Пирром римляне не могли не ощутить свою уязвимость по причине отсутствия военного флота. Иначе появление карфагенской эскадры во главе с флотоводцем Магоном в римской гавани Остии, завершившееся подписанием римско-карфагенского союзного договора, было бы, по сути, невозможным. И хотя программа создания военного флота была развернута только во время первой Пунической войны, осознание этой необходимости должно было прийти именно во время Пирровой войны. Весьма показательна в этом отношении одна из статей римско-карфагенского договора, согласно которой карфагеняне брали на себя обязательство обеспечивать своих союзников транспортными кораблями [Büttner-Wobst, 1903, S. 164–167].

Но, как бы ни объясняли современные исследователи природу различных нововведений, Пиррова война во многом послужила толчком к тем переменам, которые последовали вскоре после ее окончания (чеканка серебряной монеты, строительство флота, приобщение к греческой культуре, активизация внешней политики и т.д.). Те перечисленные выше перемены, которые последовали вслед за ее завершением, существенно повлияли на дальнейший ход римской истории.

Список источников

- Ausonius*, with an English translation. London: W. Heinemann, 1919.
Flori L. Epitomae rerum romanorum. Londini: A. Valpy, 1822. 813 p.
Plini C. Secundi Naturalis Historiae libri XXXVII. Ed. Carolius Mayhoff. Vol. i–V. Lipsiae, 1892–1909.
Plutarchi. Vitae parallelie. Rec. Lindshog et Ziegler. Lipsiae, 1914–1939.
Polybii. Historiarum Quae Supersunt. Vol. I–II. London: Nobel Press, 2011.

Библиографический список

- Barnett A. The Coinages of Rome and Magna Graecia in the Late Fourth and Third Centuries B.C. // *Schweizerische Numismatische Rundschau*. 1977. No. 56. P. 92–121.
Büttner-Wobst T. Zur Geschichte des Pyrrhischen Krieges // *Klio*. 1903. Bd. 3. S. 164–167.

- Cassola F.* I gruppi politici romani nel III secolo a.C. Trieste: Istituto di Storia antica, 1962. 436 p.
- Crawford M.* The Roman Republic. London: Fontana-Collins, 1978. 224 p.
- Frank T.* Roman Imperialism. New York: The Macmillian Co, 1914. 365 p.
- Frank T.* Two Historical Themes in Roman Literature: Pyrrhus, Appius Claudius and Ennius // *Classical Philology*. 1926. No. 16. P. 314–316.
- Forsythe G.* A Critical History of Early Rome. Berkeley: University of California Press, 2005. 421 p.
- Heitland W.E.* The Roman Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 1909. 576 p.
- Kent P.A.* A History of the Pyrrhic War. N.Y.: Routledge Studies of Ancient History. 2020. 196 p.
- Mattingly H.* Aes and Pecunia // *Numismatic Chronicle*. 1943. No. 3. P. 21–39.
- Mitchell R.E.* The Historical and Historiographical Prominence of the Pyrrhic War// *The Craft of the Ancient Historian: Essays in Honor of Chester G. Starr* / ed. J.W. Eache. Lanham: New York: London University Press of America, 1985. P. 303–330.
- Münzer F.* Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart: J.B. Metzersche Verlagbuchhandlung, 1920. 460 S.
- Scullard H.* A History of the Roman World. London: Routledge, 1980. 580 p.
- Staveley E.S.* The Political Career of Appius Claudius Caecus // *Historia*. 1959. No. 8. P. 410–433.
- Thomsen R.* Early Roman Coinage. V.I. Copenhagen: Nationalmuseet, 1957. 251 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 28.09.2021

THE WAR WITH PYRRHUS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF ROME IN III CENTURY BC

S. S. Kazarov

Southern Federal University, Bolshaya Sadovaya str., 105/42, 344006, Rostov-on-Don, Russia

ser-kazarov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2292-4787

Scopus Author ID: 57202787688

The war of the Romans with King Pyrrhus of Epirus was a kind of borderline that conditionally divided the history of Roman republic into two main periods. Many modern researchers follow the concept of the Greek historian Polybius, who considered the expulsion of the Epirus king from Italy as the start of the gradual establishment of Roman hegemony in the Mediterranean. The further expansion of Rome, first to the South of Italy, and then outside – to Sicily, was accompanied by an internal political struggle between two groups in Roman society, one of which defended the agrarian development of Rome and therefore was not interested in expanding to the South and leaving Italy, but the second, represented by trade and craft circles, strove for new conquests and the acquisition of new markets. The question of the exact time of minting silver coins in Rome is highly controversial, but there is no doubt that their issue began soon after the end of the war with Pyrrhus. Another consequence of the Pyrrhic War was the recognition by the Romans of their vulnerability due to the lack of their own navy, the construction of which began twenty years after the events mentioned – during the first Punic War. After the war, there was a change in the mentality of the Romans, who, on the one hand, began to realize themselves as the masters of Italy. On the other hand, the harsh customs of their ancestors went down in history and were replaced by the desire for enrichment, undermining the moral foundations of the Roman Republic: the Romans, who had previously rejected the gifts of the emissary of the Epirus king, after a few decades, became familiar with luxury goods, becoming an obligatory subject of their daily life. Over time, the attitude of the Romans to the personality of the Epirus king himself changed. In their eyes, he turned from a noble hero into an ordinary enemy like Hannibal or Philip V. In fact, the victory of the Romans over Pyrrhus was a harbinger of the Punic wars and, ultimately, the establishment of the hegemony of Rome in the Mediterranean. But, speaking of the Pyrrhic war itself, modern researchers for some reason forget about the role of the personality of the Epirus king himself, which in one way or another caused the changes that took place in the history of Rome.

Key words: Apennine Peninsula, Roman Republic, Pyrrhic War, hegemony, expansion.

References

- Barnett, A. (1977), “The coinages of Rome and Magna Graecia in the late fourth and third centuries B.C.”, *Schweizerische Numismatische Rundschau*, pp. 92–121.
- Büttner-Wobst, T. (1903), “Zur Geschichte des Pyrrhischen Krieges”, *Klio*, № 3, pp. 164–167.
- Crawford, M. (1978), *The Roman Republic*, Fontana-Collins, London, UK, 224 p.
- Forsythe, G. (2005), *A critical History of Early Rome*, University of California Press, Berkeley, USA, 421 p.

- Frank, T. (1914), *Roman imperialism*, The Macmillian Co, New York, USA, 365 p.
- Frank, T. (1926), “Two historical themes in Roman literature: Pyrrhus, Appius Claudius and Ennius”, *Classical Philology*, № 16, pp. 314–316.
- Heitland, W.E. (1909), *The Roman Republic*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 576 p.
- Kent, P.A. (2020), *A History of the Pyrrhic War*, Routledge Studies of Ancient History, New York, USA, 196 p.
- Mattingly, H. (1943), “Aes and Pecunia”, *Numismatic Chronicle*, № 3, pp. 21–39.
- Mitchell, R.E. (1985), “The Historical and Historiographical Prominence of the Pyrrhic War”, in Eache, J.W. (ed.), *The Craft of the ancient historian: Essays in honor of Chester G.Starr*, London University Press of America, Lanham, New York, USA, pp. 303–330.
- Münzer, F. (1920), *Römische Adelsparteien und Adelsfamilien*, B.Metzersche Verlagbuchhandlung, Stuttgart, Germany, 460 p.
- Staveley, E.S. (1959), “The political career of Appius Claudius Caecus”, *Historia*, № 8, pp. 410–433.
- Scullard, H. (1980), *A History of the Roman World*, Routledge, London, UK, 580 p.
- Thomsen, R. (1957), *Early Roman Coinage*, V.I. Nationalmuseet, Copenhagen, Denmark, 251 p.
- Cassola, F. (1962), *I gruppi politici romani nel III secolo a.C.*, Istituto di Storia antica, Trieste, Italy, 436 p.